

Дорога на первом холме была относительно пологой, кое-где встречались вырубленные в склоне ступени, так что не боялся оступиться и свалиться в заросли или наткнуться на какое-нибудь толстокожее длинное существо, которое высунет голову и норовит укусить.

Но раз уж Чай Цзыжаню предстояло стать «белой мышью», выманивающей змею из норы, как он мог обойтись без карты, сигнальных ракет, связи и даже простейших средств защиты?

Чай Цзыжань, всю жизнь проживший в праздности, мог и не думать о таких вещах, но как Мо Цзюцзюнь, частый гость в столичных лагерях, мог о них не знать?

С горечью запрокинув голову, Чай Цзыжань вздохнул: «Под чужой крышей — под чужой и волей». Яркое солнце ударило в глаза, заставив его тут же опустить голову. «Солнце, пали сильнее! — пробормотал он. — Пусть этот тип Мо Цзюцзюнь свалится в обморок от твоих лучей». А затем зловеще добавил: «А лучше пусть семь-восемь старух, пока он без сознания, обступят его и начнут плевать! Хе-хе-хе...»

Чем ярче представлялась картина, тем громче становился смех Чай Цзыжаня, сотрясавший окрестные горы.

Вдруг из зарослей по обе стороны тропы донёлся странный шелест. Чай Цзыжань вздрогнул и рванул вверх, стремясь уйти подальше от того, что таилось в траве. Но, преодолев последнюю ступень, он увидел лишь бескрайнее море спутанных зарослей. Стебли были толще его пальцев и выше его роста, сплошной стеной преграждая путь.

Чай Цзыжань задумался: таких высоких диких трав он отродясь не видывал. Неужели сбился с пути? Уже собирался повернуть назад, как странный звук приблизился, словно что-то вот-вот выскочит из-под земли, чтобы вцепиться в него. Волосы на затылке встали дыбом. Выбор между погоней и укрытием в незнакомых зарослях был очевиден — он выбрал второе. Но, лишь повернувшись, увидел перед собой огромный мешок, который накрыл его с головы до ног.

Первой мыслью Чай Цзыжаня было: «Мешок-то большой». Второй: «И прочный». Третья не успела родиться, как мир перевернулся с ног на голову, и всё погрузилось во тьму.

Чай Цзыжань забился, размахивая руками и ногами. «Что вы делаете?! — завопил он. — Средь бела дня похищаете честного мужчину! Кто вам дал такую смелость? Отпустите, и я приведу вас к тому, кто и богаче меня, и красивее, да ещё и мужчин любит — к Мо Цзюцзюню!»

«Хи-хи», — раздался за стенкой мешка смех. — «Неплохая идея. Он твой зазноба?»

Чай Цзыжань нахмурился: голос был явно поддельный, приглушённый. Значит, не хотели показывать лицо и настоящий голос — наверняка знакомый. «Ах ты, чёртов подлец! — взревел он. — Я тебя узнал! Какое же у тебя сердце змеиное!»

Тот, поняв, что его раскусили, перестал скрываться: «Господин Цзыжань, мы лишь хотим помочь. Иначе ты бы ещё долго искал логово этих разбойников».

Голос был до боли знаком. «Суй Фэн, молодец! — с горечью воскликнул Чай Цзыжань. — В мешок собственного деда Цзыжаня засунул! Признавайся, это Мо Цзюцзюнь тебя надоумил? Подлец!»

Суй Фэн, поняв, что его провели, молча опустил мешок на землю.

Оказавшись на земле, Чай Цзыжань забился внутри, пока не наткнулся на что-то твёрдое. Не

успев сообразить, что это, он почувствовал, как его схватили за ногу и подняли в воздух. Леденящий вопрос прозвучал сверху: «Очень обрадовался, что я от солнца сварюсь?»

Чай Цзыжань: «...»

Едкий допрос продолжился: «Предложить разбойникам похитить богатого, красивого и любящего мужчин меня — это тебя возбудило?»

Чай Цзыжань: «...»

Державшая его рука разжалась, и он шлёпнулся в густую траву. «Братец Цзюцзюнь, виноват! — завопил он. — Виноват, виноват, виноват! Встречу разбойников — сам в руки дамся, но никогда не выдам, что это ваша идея!»

Мо Цзюцзюнь помолчал. «Отлично», — сказал он наконец.

Чай Цзыжань: «...»

Холодный голос Мо Цзюцзюня вновь донёсся сверху: «Отнести его ко входу в разбойничий лагерь».

У Чай Цзыжаня похолодело внутри. Он заворочался, пытаясь нащупать ногу Мо Цзюцзюня. По милости небес, его хаотичные движения привели к чьей-то крепкой ляжке. Не раздумывая, он обхватил её. «Братец Цзюцзюнь, пощадите! — взмолился он. — Больше не буду языком молоть! Отпустите, и я буду вам постель перед сном греть каждую ночь!»

Жестокий голос Суй Ина раздался прямо над головой: «Как помощник уездного начальника, ты и обязан господину служить».

Чай Цзыжань понял, что обнял не ту ногу, откатился подальше и рывкнул: «Я — чиновник, бумаги веду! Греть постель — дело девиц из Терема Хуахуа, не моё!»

Мо Цзюцзюнь скомандовал: «Унести».

«Слушаюсь», — с энтузиазмом откликнулся Суй Фэн, взвалил Чай Цзыжаня на плечо и радостно изрёк: «Потерпите, господин Цзыжань».

Чай Цзыжань, боясь пошевелиться, проворчал: «Потерпеть? Ты шутишь? То, что я сейчас переживаю, и словом-то таким не описать».

«Тогда двинулись!» — не дав договорить, Суй Фэн рванул с места. Чай Цзыжань не успел и ругнуться, как его охватило ощущение полёта, пронзившее всё тело. Голова закружилась, желудок сжался, и что-то кислое подкатило к горлу.

Рот открылся, и рвотные массы хлынули наружу, наполнив мешок.

Суй Фэн застыл, почувствовав на плече тёплую липкость и уловив тошнотворный запах. Он рванул ещё быстрее, словно огромная птица, и, достигнув подобия небольшого лагеря, швырнул мешок на землю, отскочив прочь, как от чумы, и не желая даже взглянуть на грязную ношу.

Чай Цзыжань, переживший головокружительный полёт, изверг из себя пережёванные в Тереме Хуахуа куриные ножки. Во рту стоял кислый привкус, всё тело было в липкой рвоте. Мысленно он проклял всех предков Суй Фэна до девятого колена. Когда от него осталась уже

половина, что-то твёрдое ткнулось ему в живот, заставив желудок снова сжаться, а горло — пересохнуть. Глаза чуть не вылезли из орбит.

За стенкой мешка кто-то сказал: «Что это за штука? Как воняет!»

Другой ответил: «Может, зверька подбросили? Братья с других застав Переправы Восьми Бессмертных специально к нам, в Пятый лагерь, подкинули, чтобы напакостить?» Осторожно он попросил нож и аккуратно разрезал шов мешка.

Навстречу им хлынули рвотные массы. Два разбойника, зажав носы, отпрыгнули, уставившись на грязного мужчину, выползающего из мешка. Красный халат был испачкан протухшей блевотиной, спутанные волосы свисали на лицо, покрытое мурашками, а сам он чуть не терял сознание от вони.

Разбойник с ножом приставил лезвие к шее Чай Цзыжана, зажимая нос и корил товарища, что тот не дал ему длинный клинок. Человек из мешка смердел невыносимо.

Чай Цзыжань, подавив отвращение, прочистил горло и завопил: «Герои! Наконец-то я вас нашёл, уа-уа-уа!»

Два разбойника переглянулись — в глазах у обоих читалось полное недоумение.

<http://bllate.org/book/15931/1423970>